

О постсоциалистической рецессии и ее влиянии на процессы формирования и реализации экономической политики

При анализе экономических последствий политических решений, так же как и анализе влияния экономической ситуации на принимаемые политиками решения, выясняется, что, несмотря на обилие специальной литературы, моделей, сложных формул, на деле о реальном функционировании экономики очень многое еще не известно. При всем многообразии интересных исследований пока что нет ответов на, казалось бы, самые простые вопросы. Например, такие:

- каким будет соотношение евро и доллара через год, два или три;
- какой набор факторов позволил бы нам достаточно точно прогнозировать это соотношение;
- какой будет цена на нефть через год, два или три (то же самое можно отнести и к набору факторов прогнозных моделей конъюнктуры нефтяных цен)...

Происходит это не потому, что все, занимающиеся экономикой, некомпетентны, а по той простой причине, что мир бурно меняется, меняется с конца XVIII века и процесс этот продолжается до сих пор.

Можно назвать три очевидные характерные черты современной глобальной экономики: 1/ открытый рынок капитала, 2/ наличие гибких валютных курсов и 3/ доминирование в мире трехвалютной системы. Эти черты сложились в окончательном виде в течение последнего десятилетия. Если исключить из данной триады последний компонент - доминирование трехвалютной системы, - получим основные черты мировой экономики, которая начала функционировать после 1980-го года. Если же говорить о периоде перед Первой мировой войной, в то время характер мировых экономических отношений определяла только одна - первая - из названных трех черт.

Итак, мир постоянно меняется. И хотя нам порою кажется, что мы уже поняли, как возникают новые реалии (а с ними, кстати, и новые проблемы), анализировать такой мир мы пока только учимся. Отдавать себе в этом отчет особенно важно, когда речь идет о постсоветском экономическом развитии. Ведь по историческим меркам период существования социализма был непродолжительным. Исследователи не обладают длительным опытом изучения кризисов и крушений социалистической системы, на основе которого можно было бы прогнозировать, какие экономические реалии порождает ее крах, какие возникают здесь экономико-политические проблемы, - т.е. с достаточной определенностью сказать, как социалистические экономики реагируют на катастрофическую ситуацию.

К тому времени, когда социалистическая империя в Восточной Европе начала разваливаться и к власти пришли первые реформаторские правительства, ориентированные на радикальные экономические изменения, экономисты не предполагали, что предстоит столкнуться со столь глубокой постсоциалистической рецессией, что начало реформ будет сопровождаться столь резким падением производства. Этого не предполагали ни первые лидеры реформаторских правительств, ни основные эксперты международных институтов - Мирового банка, Международного

валютного фонда. Никто, разумеется, не ожидал, что с началом реформ немедленно будут обеспечены более высокие темпы экономического роста, однако и понимания того, что постсоциалистическим странам скорее всего предстоят несколько лет падения производства, - не было.

Социалистическая система по состоянию на конец 80-х годов была неэффективна: производилась масса некачественной продукции, бездарно использовались ресурсы. Рыночная экономика более эффективна. Если ликвидировать социалистическую экономику и создать экономику рыночную, ресурсы начнут перераспределяться от неэффективных предприятий и производств, не удовлетворяющих потребности рынка, в сторону более эффективных. Результатом этого будет общее повышение эффективности и, соответственно, экономический рост. Вот что знали общем виде в конце 1989 года те, кто вскоре вошел в состав реформаторского правительства Польши. Было понятно, что потребуется время, чтобы провести приватизацию, чтобы возникли соответствующие рыночные институты. Но все же никто не считал, что экономика сразу столкнется со столь глубоким падением производства.

Начало реформ (либерализация цен, введение конвертируемости валюты, открытие рынка) в 1990-1991 годах привело в Польше, а потом в Чехии, Венгрии, и практически во всех странах Восточной Европы, где реформы начались чуть позже, к крутому падению производства. Этот факт в первой половине 90-х годов оказался в центре важнейших дискуссий. И первая (самая успокаивающая) гипотеза, которая тогда возникла, сводила возможные объяснения к статистическому феномену. Для такого предположения имелись веские основания. Всем известно, что при социализме широко распространены приписки. В условиях рынка смысла приписывать нет, ничего, кроме дополнительного визита налогового инспектора, от этого не получишь, наоборот - есть стимул занижать объем производства. А своеобразная социалистическая статистика была ориентирована на приписки практически на любом уровне, включая самый высокий. Например, при анализе потребления мяса на душу населения в бывшем СССР колбаса пересчитывалась на мясо в пропорции 1:1,1 - т.е. как если бы 1 кг советской колбасы был равен 1,1 кг мяса. На самом же деле уже в начале 80-х годов группе ученых в условиях секретности присудили Государственную премию за изобретение колбасы, в которой мяса почти не было, - оно едва ли не полностью заменялось соей.

Однако довольно быстро стало ясно, что за фактом падения производства в первые годы реформ стоит не только статистические погрешности. Само понятие ВВП возникло из опыта изучения рыночных экономик. В его основе лежит гипотеза, что если что-то производится, то оно потом покупается. Представим себе, что у нас нерыночная экономика, то есть структура производства не проходит проверку платежеспособным спросом. В этой экономике значительная часть активности связана с тем, что группа лиц и предприятий, условно говоря, роет канаву, а другая, канаву засыпает, и этот процесс создает соответствующий объем ВВП. Если принимается решение прекратить рытье канавы и ее закапывание, происходит падение ВВП. Соответственно, никто не гарантирует, что при этом ресурсы, которые были раньше задействованы в рытье и закапывание канавы, автоматически перераспределятся в некоторые другие виды деятельности, "работающие" на создание ВВП.

Сама структура социалистической экономики предполагала наличие масштабных видов деятельности, продукты которых никогда не могли быть проданы на рынке. В Советском Союзе огромные средства, многократно превосходящие вложения, скажем, в легкую промышленность, традиционно тратились на мелиоративные работы. На эти деньги рылись огромные каналы, использовалось колоссальное количество техники,

бетона и энергоресурсов. Для того, чтобы данные строительные материалы и технику произвести, тоже затрачивались значительные ресурсы. Однако экономические результаты всех этих масштабных мероприятий никогда не предъявлялись публике. И в планах и в отчетах упор делается на мелиорированных гектарах. Не говоря уж о производстве военной техники в немыслимых масштабах, которое поглощало все лучшие материальные и трудовые ресурсы экономики.

С приходом в страну рынка выяснилось, что создание структур, способных эффективно использовать ресурсы экономики, требует времени. И дело не только и не столько в том, что время требуется покупки новых станков. Невозможно в одночасье заменить всю структуру управления, в стране нет других менеджеров, и импортировать их сегодня или завтра тоже неоткуда. В первые годы реформ в любой стране, будь то Польша или Россия, директор предприятия вообще не представлял себе, как можно управлять предприятием, когда нет Госснаба, Госплана, когда никто не сказал, что надо производить и откуда возьмутся необходимые комплектующие. "Хозяйственный руководитель" не понимал, как надо продавать продукцию на рынке, как не понимал того, что такое рынок вообще. Для него "маркетинг", "аудит", "финансовая политика" и т.п. были терминами совершенно непонятными. Требуется время для того, чтобы выросли люди, которые понимают все это. Кроме того, необходимо, чтобы их допустили к тем рычагам, где их знания имеют значение. Это время измеряется не днями и даже не месяцами.

К 1992-93 годам на фоне начавшегося оживления в Польше, а потом и в других восточно-европейских странах, сложилось первое представление о том, что такое постсоциалистическая рецессия. Это период, следующий за либерализацией цен, за началом рыночных реформ, период, в рамках которого формируются необходимые рыночные механизмы. И уже после этого объем ресурсов, вовлекаемый в эффективные, ориентированные на рынок хозяйственные звенья, постепенно позволяет полностью и даже с избытком компенсировать объем ресурсов, высвобождаемый из традиционного сектора.

В России уже к 1991 году сложилось понимание того, что роста производства в странах, которые либерализуют цены, не будет, что предстоит постсоциалистическая рецессия. Была понятна ее природа. Нам казалось - и не только нам, но и МВФ, и Мировому банку, и большинству из тех, кто изучал эту сферу, - что мы имеем представление о примерной протяженности этого периода и о том, как он будет проходить. Мы считали, что падение производства будет длиться в течение первых трех лет, затем в стране возникнет критическая масса эффективно функционирующих предприятий, и постепенно начнется экономический рост.

Это ожидание сохранялось в период с 1992 по 1995-96 гг. Позднее выяснилось, что не только в России, но и на большей части всего постсоветского пространства - за исключением стран Балтии - продолжается свертывание производства, выход из рецессии не начинается. Такова ситуация, в которой Россия и другие государства на постсоветском пространстве оказались к 1998 году. В это время доминирующей темой в экономической литературе, посвященном постсоциалистическому переходу, своего рода "символом веры" был тезис о двух расходящихся путях развития. С одной стороны, есть Восточная Европа, которая в силу ряда обстоятельств проблемы перехода решила, создала должную систему институтов, запустила инструменты экономического роста. И, с другой стороны, есть постсоветское пространство, где в силу другой совокупности обстоятельств решить эти задачи не удалось. Считалось, что эти пути разошлись, и, по всей видимости, навсегда.

В 1999 году на постсоветском пространстве начинается оживление экономики. Выясняется, что расходящихся путей развития не было, но период переходной рецессии в странах СНГ оказался существенно более продолжительным, чем в Восточной Европе. Во-первых, потому, что в сравнении с восточно-европейскими странами социализм в СССР продержался намного дольше и, соответственно, рыночный опыт оказался забытым гораздо более прочно. В Польше, Чехии, Венгрии к началу реформ еще были живы люди, которые видели функционирующий рынок, и потому их дети стали ключевыми игроками в выработке новой экономической политики - рыночной. В Советском Союзе в целом, за исключением Балтии, о рынке не имели представления три поколения. Достаточно сказать, что 99% населения СССР никогда не видело нормально наполненного магазина. Следовательно, для приобретения рыночного опыта заведомо было необходимо время. Во-вторых, Восточная Европа даже при социалистическом режиме была гораздо сильнее интегрирована в европейский мир, чем Советский Союз. Становится понятно, что на постсоветском пространстве решение тех же самых проблем, что и в Восточной Европе, требует больше времени.

Россия является и надолго остается страной, экономика которой существенно зависит от конъюнктуры мировых цен на нефть. Но общий характер позитивных сдвигов на постсоветском пространстве позволяет сделать выводы о том, что благоприятный уровень нефтяных цен играет не самостоятельную роль, а наложился на глубокие структурные изменения в экономике. Само развитие постсоциалистического кризиса, проводимая на этом этапе экономическая политика во многом определяют то, в какую точку страна попадает, на выходе из него, каковы ее перспективы экономического роста, формирование новых институтов, норм поведения, денежной политики.

Когда правительство начавшее реформы, размораживает цены, страна сталкивается со скачком инфляции, который отражает ликвидацию денежного навеса. В условиях административно-командных цен объем реальной денежной массы можно устанавливать произвольно, в условиях же нефиксированных, рыночных цен, объем реальной денежной массы определяется спросом хозяйствующих субъектов на деньги. Нет оснований полагать, что он будет равен той денежной массе, которая существовала в момент размораживания цен. Как правило, вследствие слабой денежной политики последних посткоммунистических правительств почти везде был создан крупный денежный навес, образованный в результате накопленной подавленной инфляции предшествующих лет. В этой связи неизбежно возникал первоначальный скачок цен, причем оценить масштабы этого скачка было очень трудно, поскольку, у нас не было опыта функционирования экономики в условиях свободных цен. Гипотезы о том, каким будет спрос на деньги, больше походили на гадания. Когда изучался этот вопрос применительно к Советскому Союзу, в большинстве исследований авторы исходили из того, что примерно к 1980 году экономика была сбалансированной, денежного навеса не было. Затем оценивали изменения экономики за 80-е годы, при этом предполагалось, что денежный навес образовался именно в это время. Логика более чем спорная, но разумной альтернативы этим расчетам не существовало.

Далее ситуация разворачивается следующим образом. Растут цены, соответственно сокращается реальная денежная масса, плюс к этому падает производство. За падением производства и ростом цен следует падение реальной заработной платы и реальных денежных доходов населения. Все это происходит на фоне всплеска неплатежей (невыполнение обязательств перед поставщиками, естественными монополиями и перед государством), потому что он сам - характерная и естественная реакция социалистического предприятия, столкнувшегося с непредвиденными вызовами рынка в условиях мягких финансовых ограничений, когда накопление невыполненных

обязательств не влечет за собой ни банкротства, ни распродажи активов. Возникает первая естественная гипотеза, что неплатежи растут, потому что в экономике не хватает денег, а производство падает по той же причине - нет спроса на продукцию.

Дальше все это упаковывается в некий набор псевдокейнсианских рассуждений, которые никакого отношения к падению реальной денежной массы не имеют. Надо, говорили авторы таких рассуждений, увеличивать денежное предложение, позволить себе стимулировать спрос, наращивая бюджетные расходы, финансируя их за счет эмиссионного кредитования. Тогда, утверждали они, пойдет вверх реальная денежная масса, появится дополнительный спрос, прекратится падение производства.

Самое интересное состоит в том, что на достаточно коротком этапе такие рецепты действуют. Первый раз подобный набор рассуждений прозвучал в Польше и привел к существенному ослаблению бюджетной и денежной политики летом 1990 года. Правительство не удержалось от соблазна нарастить денежное предложение.

Что происходит после того, как наращивается денежное предложение? Естественно, к ускорению роста цен это приводит не сразу. Между ростом предложения денег и инфляцией возникает некоторый лаг. На первом этапе наблюдается следующее. Напечатали много денег, профинансировали бюджетные расходы. Инфляция в это время еще продолжает снижаться, потому что пока она слабо реагирует на смягчение денежной политики, она находится еще под влиянием прежней, жесткой денежной политики. Параллельно этому замедляется и падение производства, так как был создан дополнительный, в частности, государственный спрос.

Каков итог? Сначала кажется, что рецепты оказались правильными, и наступает период стабильности. Но период этот очень краток, он ограничен временем, которое разделяет наращивание денежного предложения и дальнейшую реакцию субъектов хозяйственной системы. Одно дело наращивать денежное предложение в условиях экономики с длительной историей, предшествующей стабильности, где все привыкли к тому, что, например, доллар - гарант этой стабильности. Совсем другое дело в нестабильных молодых рыночных экономиках, с нестабильными молодыми деньгами, к которым все относится с недоверием, да еще в условиях высокого уровня инфляции. И как только хозяйствующие субъекты понимают, что государство начало печатать деньги, они приспособливают к этому свою экономическую политику, свое поведение, свою структуру активов, наращивая спрос на долларовые активы. Это относится и к населению, и к банкам, и к предприятиям. Спрос на валюту резко растет. Но валютные резервы в стране не безграничны, и долго поддерживать валютный курс за счет валютных интервенций невозможно, вернее, возможно, но это приведет к тому, что обвал, причем более масштабный, произойдет чуть позже. В долларизованной экономике инфляционные ожидания сильно завязаны на курс, следовательно, падение курса национальной валюты подталкивает инфляцию. Инфляция резко идет вверх, реальная денежная масса, вместо того, чтобы расти, начинает сокращаться. Это ведет к сокращению реального спроса в экономике и в результате падение производства ускоряется.

Опыт показывает, что страны могут проходить этот своего рода экспериментальный путь не один, а, бывает и два, и три раза, прежде чем понимание такого механизма станет, наконец, господствующим в экономической и политической элиты. В России это понимание проявилось к концу 1998 года, когда пришедшее к власти правительство Примакова-Маслюкова не решилось еще раз повторить эксперимент 1994 года, проведенный кабинетом Черномырдина. Сами эти эксперименты, естественно,

приводят к росту накопленной инфляции за время реформ. А накопленная инфляция, в свою очередь, неизбежно приводит к падению спроса на национальные деньги.

Спрос на национальные деньги - это мера доверия к отечественной валюте, и она сильно зависит от предшествующей денежной истории. Если у страны был продолжительный период денежной стабильности, который лишь изредка прерывался отдельными инфляционными эпизодами, то доля денег в ВВП сохраняется достаточно высокой. Например, в Чехии, которая не пережила масштабной высокой инфляции и катастрофического падения доверия к национальным деньгам, эта доля сегодня близка к средним для рыночных экономик. Противоположный пример - Польша. Она по всем параметрам развивалась успешнее Чехии: накопленное падение производства было меньше, рост начался более энергично, рубежи 90-х годов были преодолены гораздо быстрее. Но Польша пережила в конце 80-х - начале 90-х годов период очень высокой инфляции, поэтому сегодня доля денег в ВВП в Польше существенно ниже, чем в Чехии.

Подорвать доверие к национальной валюте довольно легко, а восстанавливать его приходится потом долгими годами проведения ответственной денежной политики. Это значит, что в странах постсоветского пространства, где проинфляционные эксперименты проводились по нескольку раз, и проводились энергично, накопленная инфляция гораздо больше, а доверие к национальным деньгам меньше, чем в странах Восточной Европы. Соответственно, первые подходят к моменту выхода из постсоциалистической рецессии с существенно более низкой долей денег в ВВП. Это - прямое следствие растянутого периода падения производства и высокой инфляции.

В странах, где реформы проводились энергично, а период рецессии был коротким, удалось, в общем, довольно быстро сформировать нормальный механизм, обеспечивающий ответственное поведение предприятий, затормозить рост неплатежей и стабилизировать государственные доходы на относительно высоком уровне. Сейчас у нас много говорят о несовершенстве действующего в России механизма банкротства, что справедливо. Но этот механизм на начальном этапе был несовершенен во всех постсоциалистических странах. Известно много историй про фиктивные и ложные банкротства и в Венгрии, и Польше, но факт остается фактом: рост неплатежей прекращается в тот момент, когда банкротство становится массовым. Управляющие предприятиями начинают понимать, что, имея неплатежи, они рискуют потерять контроль над финансовыми потоками. Усиление финансовой дисциплины предприятий, прекращение роста неплатежей наряду с сохранением относительно высокой доли денег в ВВП позволяет избежать развития бартерной экономики, безденежных расчетов с их отрицательным воздействием на способность государства собирать налоги. Конечно, доля доходов бюджета в ВВП ненадолго сокращается по сравнению с социалистическими временами, но затем она стабилизируется на достаточно высоком уровне - выше 40% по всей Восточной Европе. По крайней мере, это справедливо для Польши, Чехии, Венгрии, Словакии.

В постсоветских государствах, где период падения производства, как и период высокой инфляции, был продолжительнее, финансовая ответственность предприятий на протяжении длительного времени остается низкой, создается атмосфера неплатежей, мягких бюджетных ограничений с соответствующим уходом значительной части экономики в тень. К этому перечислению следовало бы прибавить несовершенства налоговой системы, которая действовала у нас последние годы. Все это - общие объективные причины. Длительный период высокой инфляции, слабой экономической политики и мягких бюджетных ограничений приводит к падению способности государства собирать налоги до уровней, гораздо более низких, чем в Восточной Европе.

К реализации стабилизационных программ там приступали в условиях, когда доходы бюджета расширенного правительства были в районе от 40 до 50% ВВП, в то время как на постсоветском пространстве - как правило, в диапазоне от 20 до 35% ВВП.

Раньше или позже понимание того, что инфляционное финансирование бюджета ничего хорошего, кроме дальнейшего снижения спроса на деньги, падения реальной денежной массы и, соответственно, спада производства, не приносит, получает широкое распространение в элитах. После нескольких лет высокой инфляции это начали понимать и казахская, и украинская, и российская элиты. Становится ясно, что если есть стремление создать возможности для роста спроса на деньги и улучшения инвестиционного климата, то необходимо прекратить эмиссионное финансирование дефицита бюджета. То есть обеспечить определенный денежный консерватизм. Тогда падение курса национальной валюты может прекратиться и на нее постепенно начнет возникать спрос. Если Чехия пришла к этому моменту тогда, когда монетизация экономики составляла 80% ВВП и объем налогов, который способно было собирать государство, превышал 40% ВВП, то в России к пониманию этой закономерности пришли, когда доля доходов расширенного правительства составляла 35% ВВП, а доля денег в экономике - немногим более 10% ВВП. Получается, что у нас сложились очень разные финансовые рамки для реализации стабилизационных программ.

Поскольку денег меньше, доходов меньше, возможность заимствовать на внутреннем рынке также меньше, то стабилизационная программа должна предполагать гораздо более жесткое ограничение бюджетных расходов. Это и было характерной чертой российской стабилизационной программы, осуществление которой началось с 1995 года. Как известно, эта стабилизационная программа в 1998 году потерпела крах. Попробуем разобраться, почему это произошло.

Программой предполагалось резкое ужесточение денежной политики и прекращение эмиссионного финансирования дефицита бюджета, что действительно привело к резкому падению инфляции, укреплению рубля, к созданию предпосылок перехода к росту в 1997 году. Но программа вместе с тем включала в себя и два слабых элемента. Первый - разрыв между бюджетными обязательствами и текущим финансированием. Правительству в какой-то степени удалось взять под контроль текущее финансирование своих обязательств, но не удалось взять под контроль рост обязательств. Издавалось множество законов, которые вроде бы полагалось выполнять, но так как денег не было, они не финансировались. Это означало, что государство само стало источником нарушения финансовой дисциплины. Очень трудно ужесточать финансовые, в том числе налоговые, требования к предприятиям, когда предприятия могут резонно продемонстрировать, что государство само является крупнейшим неплательщиком в экономике, что их неплатежи потому и образовались, что есть неплатежи государства. Такая ситуация означает, что:

- на фоне финансовой стабилизации (снижения инфляции) не происходит улучшения налогового администрирования, не снижается налоговая недоимка, но происходит дальнейшая эрозия налоговой дисциплины;
- на фоне низкой инфляции, при эрозии налоговой дисциплины и ограниченной возможности взять под контроль обязательства государства, правительство вынуждено идти путем наращивания внутренних заимствований, даже понимая, насколько они опасны. Правительство убеждает себя, что, допустим, 2% ВВП - это немного, зато низкая инфляция позволит возобновить рост производства, и потом этот сравнительно небольшой внутренний долг удастся быстро погасить.

Именно потому, что принятой стабилизационной программе предшествовал продолжительный период инфляции, эта программа реализуется, во-первых, в условиях недоверия к национальным деньгам, во-вторых, в условиях невозможности достаточно энергично сокращать расходы (а их необходимо сокращать гораздо более жестко, чем в Восточной Европе) и, в-третьих, в условиях риска катастрофически быстрого наращивания внутреннего долга. Сказать, что эта стратегия абсолютно обречена на провал, нельзя. Но она очень рискованна и, к тому же, базируется на предположении о высоком уровне внешней стабильности.

В 1997 году казалось, что российская экономика начинает выходить из постсоциалистической рецессии. Стабилизационная стратегия 1995 года приносит успех. Существенно падает (летом 1997 года до величины, близкой к 8%) реальная процентная ставка, начинается явный рост спроса, наблюдается огромный интерес в мире к российским ценным бумагам. С лета 1997 года наблюдается небольшой рост объема производства. Кажется, что рискованный эксперимент сработал.

Но следует еще раз подчеркнуть, что за оптимистическими стабилизационными ожиданиями таятся элементы риска. Главный из них связан с тем, что в качестве платы за подобную стабилизацию страна получает очень негибкую финансово-экономическую структуру, лишь в крайне ограниченной мере способную адаптироваться к возможным неожиданностям на мировом рынке.

С чем это связано? Вспомним мягкую бюджетную политику первого полугодия 1996 года (президентские выборы), очень высокую реальную процентную ставку (весной 1996 года при ожидаемой инфляции около 25% правительство осуществляет займы под 150-170% годовых!). В этой связи начинается бурная экспансия внутреннего государственного долга.

Но вот выборы позади, надо что-то предпринимать, чтобы остановить этот быстро нарастающий долг. Что именно? В условиях, когда внутренний долг уже приблизился к величине, сопоставимой с денежной массой, единственный выход - либерализовать рынок для нерезидентов и допустить их на него. Поскольку есть ожидания, что в России скоро наступит стабилизация, причем при огромной процентной ставке и невысокой инфляции, нерезиденты устремятся на этот рынок. Когда они придут, резко возрастет предложение долларов, подкрепятся возможности наращивания денежной массы, возникнет спрос на ГКО, упадет процентная ставка. В 1997 году все так и происходило. Но нерезиденты хотят хеджировать свои риски, в первую очередь - риск девальвации. Они сначала хеджируют их у Центрального банка, затем у российской банковской системы. А российская банковская система, зарабатывавшая на этом большие деньги и привыкшая к тому, что реальный валютный курс управляем и прогнозируем, охотно эти риски принимает. Причем сама активно занимает деньги в долларах и евровалютах и размещает их в те же высокодоходные рублевые инструменты. Все это хорошо в условиях управляемого валютного курса, когда ничего непредвиденного с валютным курсом не происходит. Вводится валютный коридор. Внутренний коридор, в рамках которого вынужден работать ЦБ, гораздо уже этого формального коридора, потому что, как только иностранные инвесторы видят, что темпы девальвации стали чуть-чуть выше прогнозных, они отвечают на это немедленным оттоком капитала из России. Теперь государство не владеет политикой валютного курса, так как любое его повышение порождает бюджетный кризис, кризис отечественной банковской системы. Страна попадает в ловушку, и остается только надеяться, что благоприятные события позволят из нее выбраться.

Затем на происходящее накладывается азиатский кризис, изменение отношения к развивающимся рынкам в целом и следующее за кризисом резкое падение цен на нефть. А цены на нефть и на энергоносители - это, в числе прочего, также важнейшие компоненты, определяющие торговый, платежный и финансовый баланс России.

Таким образом, произошли радикальные изменения, и вследствие этого начался отток нерезидентов с рынка, возникли бюджетные проблемы, сократились реальные бюджетные возможности в связи с низкими ценами на нефть, изменилось сальдо торгового баланса. А государство на все это не способно ответить управляемой девальвацией своей валюты, что в подобных условиях было бы выходом. Девальвация оказывается катастрофой для бюджета и банковской системы.

На эти радикальные изменения можно было бы ответить дальнейшим ужесточением бюджетной политики (чтобы продемонстрировать, что государство сокращает потребность в заимствованиях), а также сокращением непроцентных расходов и обращениями за кредитами в МВФ. Кроме того, можно было бы попытаться ответить структурными реформами в сочетании с ужесточением бюджетной политики. Но когда инвесторов все это не убеждает и они продолжают уходить с рынка, такая политика приводит к кризису, некатастрофического выхода из которого не существует.

Приходится выходить катастрофически, - замораживая внутренний долг, резко девальвируя рубль, соответственно вызывая новую вспышку инфляции, обесценивая большую часть бюджетных обязательств. Но в результате, заплатив дорогую социальную цену, страна обретает принципиально важную вещь - гибкость собственных институциональных условий. С 1998 до 2000 года у России нет дорогого и короткого внутреннего долга, банковская система слабо зависит от курсовой политики, риски по курсу минимальны, страна вполне может ответить на резкое падение цен на нефть ускорением темпов девальвации, которая не будет иметь катастрофических последствий и позволит восстановить баланс.

В России и других странах СНГ период выхода из рецессии и входа в период экономического роста начинается при существенно иных характеристиках, чем в государствах Восточной Европы. Это связано, во-первых, с более сложными проблемами, вызванными приспособлением экономик к условиям рынка, а во-вторых, с мягкостью и большей непоследовательностью проводившейся в СНГ экономической политики по сравнению с Восточной Европой. Здесь следует отметить три основных момента:

1. Доходы бюджета стран СНГ существенно ниже, чем в Восточной Европе. И после стабилизации выясняется, что расходы бюджета тоже значительно ниже. В результате оказывается, что государственная нагрузка на экономику в первой группе стран гораздо ниже, чем во второй, прошедшей через шоковую терапию. Выясняется интересное: путь шоковой терапии, быстрых реформ - это путь (во многом под влиянием ЕС) в своеобразную экономику рыночного социализма. Напротив, путь медленного посткоммунистического перехода с длительным периодом финансовой нестабильности, вынужденным снижением расходов - это путь в либеральную экономику с более низкими государственными расходами, потенциально более низкими налогами, а, значит, более низкими государственными обязательствами. Например, в Польше, с ее нынешней пенсионной системой очень трудно провести ту налоговую реформу, которую мы провели в России в 2000 - 2002 годах.

2. Путь России в либеральную экономику связан с существенно более низким, чем в Восточной Европе, доверием к банковской системе. Поскольку в России по сравнению с

большинством восточно-европейских стран период инфляции был более продолжительным, а банковский кризис более глубоким, банковская система нашей страны - наиболее слабая, ее доля в ВВП - самая низкая. Это - долгосрочная характерная черта экономики России и всех других стран СНГ.

3. В России доля денег в ВВП намного ниже, чем в государствах Восточной Европы; уровень коррупции в государственном аппарате выше по объективным причинам, поскольку этому способствовал длительный период нестабильности, низкий уровень финансирования государственного аппарата, соответственно, неизбежная более глубокая деградация деловой этики, чем в Восточной Европе.

4. В России - более гибкий рынок труда, с вынужденной адаптацией рабочей силы к изменению места работы, занятости, со значительно более низким уровнем социальных гарантий.

Сказанное можно подтвердить сравнением двух стран - России и Польши. Обе в настоящее время вышли из постсоциалистической рецессии, но с существенно разными экономиками, у каждой из которых есть как свои долгосрочные структурные преимущества (для России - относительно низкие налоги, более низкие государственные расходы, гибкий рынок труда), так и свои долгосрочные структурные проблемы (для России - слабая банковская система и коррумпированный госаппарат). Таким образом, сложившаяся после постсоциалистических реформ экономическая ситуация обязывает по-разному выстраивать реалистические варианты разумной экономической политики, ориентированной на долгосрочный рост.